

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ НЕПРИЗНАННОЙ ИЧКЕРИИ С РОССИЕЙ В 1990-Е ГОДЫ

О.В. Мухин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье анализируется стратегия, приемы и способы ведения информационной войны с Россией непризнанной Ичкерии

Ключевые слова: информационная война, военная пропаганда, психологическая война

Abstract: the article covers the use of the strategy, tools and techniques of information warfare between Ichkeria and Russia in the 1990-es

Keywords: information warfare, military propaganda, psychological warfare

Миф о поражении России в первой чеченской войне 1994-1996 годов к настоящему времени можно считать развеянным историками, журналистами и военными. Однако во время войны командованию непризнанной Ичкерии при содействии российских политиков и бизнесменов удалось успешно сформировать миф о небоеспособности российских войск и навязать пораженческие настроения среди населения, а также создать у мирового сообщества мнение о России как об агрессоре. В результате информационного поражения Россия потерпела поражение политическое и не смогла закрепить военные успехи. Таким образом, развернувшаяся с 1994 года в первую очередь в СМИ психологическая кампания является практически идеальным примером информационного нивелирования реальных достижений во время боевых действий.

Информационные успехи боевиков можно объяснить целым рядом факторов. Среди важнейших — своевременность появления на чеченской политической сцене талантливого идеологического бойца Мовлади Удугова; одобрение Джохаром Дудаевым тезисов Удугова об особой роли в войне газет, радио и телевидения как боевых инструментов; грамотная реализация этих тезисов, в том числе через подкуп журналистов; финансовая и идеологическая поддержка боевиков со стороны ряда российских и зарубежных политиков и бизнесменов, в том числе через СМИ; отсутствие государственной информационной политики и боязнь журналистов у российских генералов.

Остановимся чуть подробнее на роли СМИ в этой идеологической борьбе. Как и при любом военном конфликте, важнейшую роль играла оценочная терминология [1,2]. До начала активной фазы первой чеченской войны (в декабре 1994 года) в отно-

шении чеченских противников России употребляется термин «сепаратисты». Во время выдвижения войск к Грозному и во время его новогоднего штурма этот термин постепенно вытесняется понятием «боевики». Примечательно, что оно употреблялось в текстах СМИ и раньше, еще с 1992 года. Но тогда термин «боевики» относился только к части вооруженной чеченской оппозиции. Речь шла либо об откровенно «бандитской» части оппозиции, либо о той, которая участвовала в войне в Абхазии в 1992-1993 годах (в том числе о добровольческом отряде под руководством Шамиля Басаева). К примеру, «Коммерсантъ-Daily» пишет в 1992 году: «Министр обороны Грузии Тенгиз Китовани, руководивший грузинской делегацией, потребовал четкого выполнения московских и других соглашений, для чего необходимо, чтобы территорию Грузии покинули боевики Конфедерации горских народов Кавказа, а абхазская гвардия была распущена».

Своему идеологическому бенефису Мовлади Удугов во много обязан российским СМИ, в частности, радио «Свобода» и «Эху Москвы». Он продолжался не только во время первой чеченской войны, но и в межвоенное время. При этом Удугов необязательно мог сам появляться в эфире — его позицию (то есть в то время — позицию Дудаева или Масхадова) — мог выражать российский политик. К примеру, «Эхо Москвы» в 1997 году сделала серию интервью с членами Совета безопасности России. Наиболее показательны интервью 14 мая 1997 года секретаря Совбеза Ивана Рыбкина. Он в интервью радиостанции фактически выгораживает чеченских политических лидеров: «Знаю массу обвинений в адрес Аслана Масхадова и по поводу, а больше без повода. Много надуманного, наносного в оценке его позиции. Сегодня в договоре четко сказано — подведена черта, поставлена точка в противостоянии». И далее вопрос о заключении договора с Чечней: «Вы не

бойтесь того, что заключение договора между Чеченской республикой и Россией вызовет желание соседей Чеченской республики, в первую очередь Дагестана, заключить подобный договор?» — «Я вообще считал и считаю, я просто в этом убежден, что народам в составе РФ надо давать больше воли, ровно столько воли, сколько они сумеют реализовать. И в области экономики, и в социальной сфере, во многих...» Именно такое попустительство сначала привело к возникновению чеченского бандитского квазигосударства, а потом — к созданию джамата «Исламское сообщество Дагестана». А уже с него начались попытки распространения идей ваххабизма сначала в Кадарской зоне, а потом и по всей территории Северного Кавказа.

Сам термин «ваххабизм» начинает упоминаться в российских СМИ только в январе-феврале 1998 года. Фактически понятие «ваххабит» до сих пор в российских СМИ носит собирательный характер. Оно обозначает скорее непримиримых фундаменталистов, которые используют силовые методы, а вовсе не сторонников «чистой веры», которые принадлежат к ханбалитскому мазхабу. Но еще в 1998 году понятие «ваххабит» вполне могло употребляться в нейтральном смысле.

Например, «Коммерсантъ» пишет с отсылкой на того же Удугова: «Он прибыл в Гунибский район Дагестана, чтобы выразить соболезнования семье скончавшегося Ахмеда Ахтаева, в последние годы возглавлявшего один из центров умеренного ваххабизма в республике». Сейчас словосочетание «умеренный ваххабизм» в СМИ невозможно, а тогда журналисты только присматривались к новой идеологической парадигме в республике — они не знали, какую характеристику ей давать. Однако уже после штурма Карамахи и Чабанмахи и во время вторжения чеченских боевиков в Дагестан не осталось никаких сомнений, что «ваххабизм» — это плохо. «Коммерсантъ» пишет в августе 1999 года, в разгар боев в Дагестане: «Отношение к религиозным экстремистам самое негативное. Ваххабизм чужд и непонятен подавляющему большинству дагестанцев». В дальнейшем эта мысль только укрепляется в СМИ.

Причин такого перелома в позиции российских СМИ несколько. Во-первых, конечно, ваххабизм не был единственной идеологией среди боевиков. По «политической» линии его продвигал достаточно слабый Зелимхан Яндарбиев, которого осуждал даже Масхадов. Успех ваххабитов был обусловлен больше влиянием полевых командиров — Хаттаба и Басаева, а также их поддержкой со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и отчасти Турции. И российские СМИ постепенно уходят от практики «закрывания глаз» на такие зарубежные связи и их результаты, в том числе в виде терактов. Другая причина — это критические ошибки в подаче новой войны со стороны

Ичкерии, в том числе и со стороны Удугова.

Такие ошибки становятся все более явными. Отсутствовала адекватная идеологическая подготовка при вторжении в Ботлихский район Дагестана — попытки внедрения ставших популярными в Чечне идей ваххабизма были обречены на провал. В дагестанском оплоте ваххабизма — Кадарской зоне жесткие действия боевиков-ваххабитов подкреплялись семейными связями (к примеру, женой Хаттаба на даргинке из Карамахи), а затем — развитием экономики (в первую очередь теневых грузоперевозок) и попустительством со стороны Москвы (визит Сергея Степашина в захваченные Карамахи и Чабанмахи), широко освещавшимся в СМИ. В то же время жители Ботлихского района ранее воспринимали чеченцев лишь в качестве беженцев, а бандитское поведение боевиков-ваххабитов вместе с нарушением адатов вылилось в создание дагестанцами народного ополчения. В то же время неваххабитская часть боевиков лишается идеологической поддержки со стороны СМИ — ваххабиты перетянули внимание еще с момента отрезания голов британским инженером в декабре 1998 года. Отчасти причиной этого стала слабость Масхадова: он делал попытки осуждать действия конкурентов, но не смог создать правильный информационный фон. В результате с идеологической арены боевики-сторонники классического ислама были вытеснены.

Этот факт, а также идеологические просчеты самих ваххабитов позволили федеральным силам переломить информационную ситуацию в свою пользу и начать формирование в СМИ необходимой картины происходящего. Слово «боевики» с 1999 года в сообщениях российских СМИ употребляется примерно одинаковое количество раз со словами «бандиты» и «террористы». Например, «Коммерсантъ» пишет в июле 2000 года: «Бойцы федеральной группировки начали зачистку обширного горного района Чечни, где всю неделю шли бои с большим отрядом известного террориста Хаттаба. Главным разочарованием стало отсутствие среди убитых известного бандита Арби Бараева и самого Хаттаба».

Таким образом, в первую войну при фактическом отсутствии государственной информационной политики сравнительно небольшим группировкам удалось легко доминировать в информационном пространстве, в том числе — в пространстве страны-противника. И в том случае, если такая политика не формируется, в конфликте с подобными группировками государство обречено на поражение даже при военных успехах. Но опыт Чечни показывает, что даже при упущенном времени создание грамотного информационного поля хотя бы во время военного конфликта значительно способствует всесторонней победе в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапунов В.И. Мировые информационные агентства: системное воздействие на аудиторию / В.И. Сапунов. — Издательского Воронежского государственного

университета, 2007. — 240 с.

2. Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. — М.: «Эксмо», 2015. — 320 с.

*Воронежский государственный университет
Мухин О.В., аспирант*

*Voronezh State University
Mukhin O.V., Postgraduate Student*